

А. И. Лысюк

**О социокультурных основаниях
политического лидерства**

Doctrina. Studia społeczno-polityczne 2, 155-166

2005

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

А.И. Лысюк

О социокультурных основаниях политического лидерства

Проблема политического лидерства является одной из наиболее активно разрабатываемых в современной социальной науке. Однако, несмотря на множество работ по данной тематике, «природа и значение политического лидерства являются больше проблемой журналистских спекуляций, чем предметом политологических исследований... Большинство современной литературы по политическому лидерству состоит из биографического подхода, который не соответствует современным парадигмам социальной науки и не предоставляет материал для автономных теорий политического лидерства» [17, 509]. Немецкий исследователь Grunwald констатировал, что в современном обществоведении по проблемам лидерства «смешиваются теоретическое и эмпирическое, нормативное и дескриптивное, истинное и ложное, оригинальное и тривиальное» [20, 85]. Поэтому, по образному утверждению Neuberger, «тот, кто хочет ориентироваться в области лидерства, с неизбежностью соприкасается с трудно обозреваемой местностью, на карте которой имеется целый ряд потемкинских деревень, неприступных крепостей и диких трещин» [23, 2].

Особое значение исследование феномена политического лидерства и его детерминант имеет для стран СНГ, поскольку они относятся к числу так называемых лидерских стран, в которых политическая воля отдельных властных субъектов доминирует над законом и политическими институтами, равно как и то обстоятельство, что в современном мире, вследствие вызванных медиа-революций процессов виртуализации и персонификации политического пространства, влияния политического лидерства на жизнедеятельность общества резко увеличивается.

Проблема детерминации политического лидерства как целостного феномена, имеющего универсально-исторический характер, в современной науке практически не изучена. Имеющиеся исследования можно сгруппировать по четырем направлениям.

Суть первого заключается в том, что могут выделяться отдельные источники политического лидерства, например, религиозные или идеологические, (Folkertsma 1988, Mazlish 1973 и др.). Однако их детерминирующий потенциал, место в системе мотивационных образований, связи и взаимозависимости с другими детерминантами не определяются.

Характерной особенностью этого подхода является также ограниченность исследований конкретной политической фигурой без претензий на научные обобщения.

Второе направление, в отличие от предыдущего стремящееся к обобщениям, концентрирует свое внимание на психологических детерминантах политического лидерства (Gibb 1972, Lord 1985, Фромм 1992 и др.). Учитывая «политическую» природу последнего в план исследований включается также совокупность политико-культурных источников лидерства, которые рассматриваются, однако, не в непосредственно детерминирующем проявлении, а опосредованно - как «внешние обстоятельства», как объяснительный фактор, используемый в качестве «последнего аргумента» в ситуации исчерпанности объяснений психологических.

Третье направление, доминирующее в немецкой политической науке и имеющее концептуальное начало в трудах Гегеля и Вебера указывает на значимость в системе детерминации политического лидерства объективных институционально-правовых факторов. Политико-культурные факторы рассматриваются при этом не в деятельностном проявлении (мотивационном и/или коммуникационном), а как условие политической практики лидера.

Четвертое направление политических исследований ориентировано на анализ социокультурных детерминант как непосредственных источников политической активности лидеров, установление между ними иерархических связей и зависимостей. Эти исследования учитывают, однако, детерминирующее воздействие только двух-трех факторов, взятых вне целостной детерминационной системы и жестко локализованных историческим пространством и персональным представительством. Например, Такер (1990), ставя перед собой цель проследить политико-культурную детерминацию политического лидерства, в качестве объекта исследования использует только государственных лидеров Советской России, а среди совокупности источников их деятельности выделяет только детерминирующие возможности «базового мифа», порожденного напряжением между «идеальной» и «реальной» культурами. Во многом схожую позицию занимают также Кассирер (1990) и Щербинина (1998), которые, анализируя детерминанты политического лидерства, ограничивают их как исторически (соответственно, фашистская Германия и постсоветская Россия), так и содержательно (миф, символ и язык).

При всей значимости психологических и объективистских источников политического лидерства наибольшее детерминирующее воздействие на этот феномен оказывают социокультурные детерминанты, в первую очередь, политико-культурные. Анализ их детерминирующего потенциала является как раз *целью* нашей работы. Однако, как справедливо отмечает Ким, «до сих пор политическое лидерство рассматривалось безотносительно к исследованию социокультурной идентичности. В трудах многих ученых оно представало в качестве абстрактного механизма власти, акцент делался на изучении его функциональности или оптимальности», в то

время как «лидерство есть культурно и исторически обусловленный феномен» [6, 1, 10].

Это связано с тем, что культура является феноменом, характеризующим базисные, подлинно человеческие структуры личности, включая ее мотивационные сферы. «Культура - это форма *самодетерминации* индивида в горизонте личности, форма самодетерминации нашей жизни, сознания, мышления» [3, 289]). В ее основе находятся упорядоченные смысловые структуры, связанные с определенными ценностно-нормативными системами. Поэтому всякая человеческая деятельность в своих первоосновах ценностна. «Человек есть существо оценивающее, определяющее качество. Определение ценностей и установка их иерархии есть трансцендентальная функция сознания» [2, 271]. Личность проявляет и осознает себя в мире через культуру, которая, являясь ее интегративной характеристикой, определяет содержательность и качество жизни человека, формирует сознательное и активное отношение к миру.

«Каждая историческая эпоха, - пишет Митина, - рождает свою культуру, а каждая культура формирует приоритетный для данного общества тип личности. При этом фиксируется и конкретный личностный идеал, сопряженный, как правило, с социальным идеалом данной эпохи и... преобладающей в данном обществе системой духовных ценностей. На основе последних в свою очередь складывается и специфическая ментальность человека... Мир личности, инспирированный господствующей культурной доминантой, в то же время выступает как некоторая внутренняя целостность...» [7, 61]. Несмотря на то, что многие культурные формы, мотивы, архетипы живут тысячелетиями, и их подлинный смысл меняется, «общие контуры культуры весьма консервативны» [1, 101]. В различных культурах люди, воспринимая и осознавая мир, конструируют свою особую, исторически обусловленную картину мира, «модель мира» - ту «сетку координат», при посредстве которой они воспринимают действительность, строят образ мира, который, будучи личностно присвоенным, выступает в качестве важнейшего мотива человеческой деятельности. Сами же «идеи» о мире, доминирующие в определенных исторических эпохах, в полной мере доступны научному анализу посредством построения идеализированных объектов с последующей их политико-пространственно-временной локализацией.

Родовой сущностью культуры является также то, что А.Вебер называл «придание жизни формы» [4, 511-512], Библиер - «изобретение «мира впервые», выражающееся в *произведении* как воплощении собственного бытия индивида [3, 290] посредством проявления, если использовать терминологию Бердяева, «творческой энергии». Политическое лидерство, как процесс перманентного обмена творческими энергиями и интенциями между лидером и последователями, субстанционально существует как раз в плоскости пересечения предметно-преобразовательной и инновационно-художественной деятельности. Конкретные ипостаси, проявления политического лидерства всегда оригинальны,

неповторимы и художественны и с трудом поддаются научным обобщениям и могут становиться доступными сравнительному анализу посредством соответствующих типологизаций мотивов и стилистики деятельности лидера и последователей.

Для вычленения и анализа социокультурных детерминант политического лидерства существенное значение имеет и то обстоятельство, что «плотью» культуры является «одновременное бытие и общение людей различных - прошлых, настоящих, будущих - культур, форма диалога и взаимопорождения этих культур» [3, 289]. Ядром культуры, ее социализирующим конструктом и смысловым ретранслятором выступает культурная традиция, под которой понимается не только исторически унаследованная ценностная система, «память» об окружающем мире, но и традиционность подхода к восприятию и оценке старых/новых реалий. Особенностью культурной традиции является историческая кристаллизация ее основополагающих элементов в определенных ценностных системах. Вследствие этого исследователь, соприкасающийся с традицией, имеет дело с устойчивыми переменными, поддающимися типологизации, верификации и сравнительному анализу. Действительно, если мы возьмем, например, фигуры государственных лидеров, представленные в различных исторических эпохах, то оказывается возможным определение конституирующих элементов их лидерства посредством анализа совокупности господствующих ценностных ориентаций, образцов стилистики политической деятельности, особенностей вербального дискурса и символической политики.

Следует также отметить, что, учитывая деятельностный характер политического лидерства, принципиально важным является наличие интеграционной «связности», «слитности» деятельности и культуры, поскольку именно культура *ценностно* пронизывает все структурные компоненты феномена политического лидерства, определяя его качественную определенность, герменевтический и целеполагающий потенциал.

Человек как субъект и объект политической жизни испытывает на себе детерминирующее воздействие двух пластов культуры: общей, находящей свое особенное преломление в сфере политической деятельности, и культуры политической, тотально пронизывающей политическую деятельность и определяющей ее основные смысловые стратегии. Вследствие этого основные агенты политического лидерства (лидер - последователи) и в своих политико-ценностных ориентациях, и в процессах социализации/рекрутирования, и в способах взаимодействия друг с другом, с социальной средой с неизбежностью выступают как «социо-политико-культурные» акторы, т.е. как социальные субъекты, деятельность которых в содержательно-смысловом плане детерминирована культурологическими составляющими.

В конечном счете, анализ социокультурных детерминант лидерства позволяет схватить тот пласт проблематики, который традиционно игнорируют, не «схватывают» в силу специфики собственного предмета иссле-

дования, ни политическая психология, ни ориентированный на социальные системы политологический макроанализ. Речь идет о совокупности ориентаций и образцов поведения, характеризующих внутреннюю субъективную сторону политических режимов и политической власти, непосредственно интегрированных в систему политического лидерства.

Наряду с собственным детерминирующим потенциалом, социокультурные факторы обладают способностью улавливать, воспринимать, адсорбировать, перерабатывать через собственную систему ценностных ориентаций детерминирующие импульсы, идущие как от психологических феноменов социальной деятельности, так и от императивов объективной необходимости, превращая их, в конечном счете, в непосредственные мотивы деятельности лидеров/последователей.

Среди феноменов культуры, в силу тотальной интегрированности в политическую деятельность, наибольшим детерминирующим потенциалом в системе политического лидерства обладает политическая культура.

В современной мировой политической науке в целом существует тождество позиций относительно содержательных параметров политической культуры, основанное на принятии в качестве базового определение этого феномена американскими исследователями Алмондом/Вербой. «Термин «политическая культура», - отмечают они, - указывает на специфические политические ориентации, на установки относительно политической системы и ее различных сфер, а также собственной роли внутри системы... Когда мы говорим о политической культуре общества, то имеем ввиду политическую систему в том виде, в каком она обнаруживается в мышлении, чувствах и ценностях людей... Политическая культура нации состоит из... образцов ориентаций членов этой нации относительно политических объектов» [14, 12-13].

В политической науке выделяется узкое и широкое понимание политической культуры. Узкое понимание по сути дела отождествляет политическую культуру с политическим сознанием и включает в себя как актуальные политические установки, мнения и настроения, для которых характерна неустойчивость и изменчивость, так и устойчивые, основанные на традициях ценностно-нормативные системы, интериоризированные политическими акторами.

Категория политической культуры, взятая в широком плане, включает в себя, помимо политического сознания, также устойчивые модели поведения субъектов политики, доминирующие формы политического участия.

Следует отметить, что политической культуре присуща субкультурная дифференциация. Она проявляется как в *горизонтальной* плоскости в виде различных стилей политического поведения, систем ценностных ориентаций и идеологических предпочтений, так и в *вертикальном* выражении как субкультурная дифференциация между различными социальными субъектами, в частности, между лидерами и последователями. В целом для политической системы отдельного государства характерен определенный тип политической культуры, обладающий своей качествен-

ной спецификой. «При всех различиях в социальной структуре общества проблема выделения политико-культурных систем решается, как правило, на национально-государственном уровне, тогда как внутригосударственные политико-культурные образования рассматриваются в качестве *подсистем* или *субкультур*» [8, 20].

При исследовании феномена политической культуры некоторые авторы (Edelman 1976; Rohe 1987 и др.) разделяют ее на два уровня - «политическая социальная культура» и «культура политического истолкования». Первый уровень включает в себе имеющиеся у субъекта установки и образцы поведения. Второй включает в себя «ассортимент коммуникативно передаваемых политических интерпретаций» и обращает внимание не только на содержание мотивации и политико-культурного коммуникативного сообщения, но и на его *значение*, а также то, *как* это сообщение воспринимается, интерпретируется и интегрируется в мотивационные структуры [25, 293]. В этом случае в сферу научного анализа вводится не только внешне выраженный пласт политической культуры, но и «скрытый», обладающий, как отмечает Dittmer, «металингвистическими» свойствами, в котором «факты интересны не сами по себе, но в силу проявляемого с их помощью отношения к другим фактам» [15, 568]. Это особенно характерно для недемократических политических систем, в которых позиция, несанкционированная «сверху», подвергается репрессиям.

Естественно, подобная дифференциация во многом условна и используется в сугубо эвристических целях, однако она указывает на необходимость изучения игнорируемых в большинстве исследований символического и герменевтического пласта политической культуры. Поэтому при изучении процесса взаимодействия лидера и последователей становится обязательным анализ задействованных в коммуникации знаковых систем, в первую очередь вербальных и символических, а также искусства их использования политическим лидером.

Несмотря на важность анализа политико-культурных детерминант политического лидерства, до настоящего времени в политической науке не существует целостных и системных исследований этой проблемы. В этом отношении можно отметить только исследование Такера (1990), в котором сделана попытка обнаружить на основании анализа эволюции исторических форм политической культуры и взаимодействия отдельных субкультур зависимости между определенными типами политических культур и типологией политического лидерства.

Такер отмечал, что в обществе *целостная культура представлена* своими «идеальными и реальными культурными моделями», между которыми возникают противоречия, несоответствия. «Идеальные модели» обладают ограниченным социальным консенсусом, в то время как по поводу «реальных» фиксируется высокий уровень социального согласия. «Поддерживающий миф» снимает напряжение между двумя этими «моделями», рождая «реформистское» лидерство».

В свою очередь революционное сознание, отвергающее как реальные, так и идеальные типы культуры, построено на абсолютно других принципах и детерминирует «революционное лидерство». При всей своей ценности исследование Такера, с одной стороны, ограниченно пространственно-временными характеристиками (Советская Россия), с другой, исключает из анализа целый блок политико-культурных детерминант, преимущественно мотивационных и коммуникативных.

Подавляющее число исследований, в которых анализируются проблемы политико-культурной детерминации политического лидерства, носит однофакторный характер и основаны на изучении влияния отдельных социокультурных факторов на отдельных политических лидеров в рамках конкретных исторических эпох и политических систем (Кассирер 1990, Щербинина 1998, Энкер 1994 и др.).

Какие же элементы политической культуры задействованы в детерминации политического лидерства?

Во-первых, те из них, которые в силу исторической укорененности в политическую культуру общества являются ее «первокирпичиками». Речь идет о таких исконных нация-государственных идеях как этническая принадлежность, концентрированно выраженная в национальном характере, и религиозное мировоззрение, определяющие базовые ценностные структуры общества. Закономерным образом определенный тип национально-государственной политической культуры определяет базовые характеристики государственного лидерства. При этом в центре нашего внимания оказываются не только определенные политико-идеологические ориентации, традиционно выступающие на первый план при определении базовых параметров политической культуры конкретных социальных субъектов, но и основополагающие духовные скрижали, определяющие «дух» нации, народа, государства, а также их проекция в содержательный план непосредственных политических ориентаций.

Например, при исследовании социокультурных детерминант государственного лидерства в России мы должны первоначально выделить конституирующие элементы политической культуры, имеющие национально-религиозный, традиционалистский характер, а только потом - актуальные политические идеи, ценности и мнения. В этом случае в центре нашего анализа окажутся чувства подданничества и отчуждение от власти, идеализация верховного правителя и религиозное оправдание его политической власти, культурная расколотость и мессианство, соборность и коллективизм и т.д. По утверждению российских философов начала XX века, русская душа нигилистична и ортодоксальна, устремлена к трансцендентному и проникнута пессимизмом, «вечно-бабья» и привержена идее «единого мига», этатична и одновременно склонная к «бунту» и т.п.

Эти особенности российской ментальности, исторически закрепленные на уровне традиции, стереотипа, архетипа, национального характера, естественным образом порождают общественные ожидания на лидера: а/ государственно-авторитарного; б/ с идеологией социального

чуда; в/ с дихотомической картиной мира («свои» - «чужие»; г/ харизматического; д/ с идеями всемирного братства и социальной справедливости; е/ делающего ставку на идеи коллективизма и насилия. Государственные лидеры российского государства, представляющие различные политические системы (монарх, революционный вождь, лидер советского государства, президент постсоветской России), обладают множеством общих типологических признаков, поскольку вращены в «кровнородственной» социокультурной среде, изменяющей на протяжении столетий только внешние оболочки, но сохраняющей культурное «ядро».

Подобную же зависимость типа государственного лидерства от особенностей развития национальных социокультурных систем можно показать на примере политической жизни Германии. Доминировавшие в национальном самосознании немцев первой половины XX века идеи национализма, прусского милитаризма, этатизма, антипросветительства, антимодернизаторские установки, приоритет политической воли над императивами закона, сакрализация единоначалия, поглощение церкви государством и оправдание любой политической власти в лютеранстве привели к фашизации феномена государственного лидерства. Радикальная же трансформация политической культуры Германии в послевоенный период, становление гражданской политической культуры радикальным образом трансформировали государственное лидерство, вызвав к жизни когорту лидеров, ориентированных не столько на архетипы национального самосознания, сколько на общедемократические, общеевропейские ценности. По этой причине, наряду с символическими фигурами Отца нации (Аденауэр, Коль), государственные лидеры Германии символизировали и искусство компромисса (Кизингер), и искусство технократического управления (Шмидт), и моральную силу (Брандт), и блеск медиа-звезды (Шрёдер), в полной мере отразив тот социологический факт, что по большинству параметров немцы являются большими европейцами и демократами, чем представители других государств.

Во-вторых, существенным детерминирующим потенциалом в системе политического лидерства обладают нравственные регуляторы деятельности. Объясняется это тем, что каждый человек обладает некоей системой нравственных ориентаций, представлений о «добре и зле», которые он применяет в своих отношениях с окружающим миром, включая и мир политический. Влияние морального фактора на систему лидерства осуществляется двояким образом. С одной стороны, он может выступать в качестве мотива деятельности лидера и последователей. С другой стороны, как критерий оценки последователями деятельности лидера. Например, в средневековье, «королей как бы сводят к определенному числу типов: благородный и справедливый государь; государь, введенный в заблуждение дурными советами; государь, мститель за честь своего рода; государь, попавший в несчастье и поддерживаемый преданностью всех подданных» [11, 15]. Процесс подобной оценки перманентен и стимулирует срабатывание эффекта «зеркала», т.е. отражение (проек-

цию) нравственной доминанты общества на нравственные позиции лидера государства.

В-третьих, важнейшим источником политического лидерства является тождество ориентаций и интерпретаций лидером и последователями ключевых элементов политической системы (государство, элита, оппозиция и др.). Эти политические ориентации служат основой для соответствующих идентификаций между ними. В случае же рассогласования данных интерпретаций существующий тип государственного лидерства подвергается опасности делегитимизации, что, собственно говоря, произошло с лидерами Советского Союза эпохи перестройки.

В-четвертых, важным компонентом политического лидерства являются партийно-идеологические ориентации лидера и его последователей, их идентификация с определенными политическими партиями/движениями и характерными для них идеологическими системами (авторитаризм, национализм, антикоммунизм и т.п.). Естественно, в различных политических системах детерминирующий потенциал этих ориентаций существенно различается. Например, в современной ФРГ путь к государственному лидерству открывает только победившая на выборах политическая партия. С другой стороны, в современной Беларуси, где наличествуют отчуждение от политических партий, интенсивно артикулируемые «надпартийность» и «народность» являются фактором, благоприятствующем политическому лидерству.

В-пятых, политико-культурная детерминация лидерства осуществляется также через оценку лидером и последователями собственных возможностей влияния на политический процесс (со стороны последователей - представления о способах влияния на формирование властных институтов, включая и персональный уровень; со стороны лидера - представления о ресурсной базе достижения/укрепления политической власти). При этом существенное значение имеют ориентации относительно структур «входа» и «выхода». Система «входа» включает в себя: а/ знания и интерес к политике и политикам; б/ включенность в политические коммуникационные структуры (объем и разнообразие информационных ресурсов лидера, умение оперировать ими, масштаб и способы доступа последователей к информационным каналам, возможность влиять через них (общественное мнение) на избрание лидеров, их политические позиции); в/ способы политической социализации лидера и последователей.

Для системы «выхода» характерны: а/ оценка последователями качества и эффективности деятельности политических лидеров; б/ приписывание им (лидерам) ответственности за те или иные политические решения и результаты их осуществления; в/ знании последователями процессов принятия решений и их распределения во властной иерархии.

В-шестых, детерминантом политического лидерства являются также актуальные политические мнения и настроения, по поводу которых осуществляется коммуникационное взаимодействие лидера и последователей. С наибольшей силой их значимость проявляется в странах,

находящихся в стадии радикальных социально-экономических трансформаций. В этом случае особое значение приобретает эмоциональная связь лидера и последователей (страх, отчуждение, энтузиазм, предрассудки, доверие и т.п.), а также способы социально-психологического воздействия (подражание, заражение, внушение, убеждение) первого на вторых, значимость которых эффективно подтверждает, например, лидерство А. Лукашенко.

В-седьмых, политико-культурные факторы в различных конфигурациях и иерархических зависимостях определяет социоисторические типы политического лидерства. Так, например, подданническая политическая культура определяет систему связей между государственным лидером и последователями в средневековье и в странах мирового социализма, политическая культура участия - в древнегреческих демократиях и республиканском Риме, подданническо-партиципаторная политическая культура - в современной Беларуси, гражданская политическая культура – США и т.п.

Очевидно, таким образом, что ценностно-смысловые компоненты определяют содержание деятельности лидера и последователей. Это проявляется и в их интегрирующем потенциале, и в том, что они составляют основу идентификаций между лидером и последователями, и потому, что являются основой синтезирующей мотивационную систему «базового мифа»; Следовательно, содержание, формы, способы деятельности, трансформации системы политического лидерства лишь в ограниченной степени связаны с эффективностью социальных технологий. Решающее воздействие на них оказывает специфика и динамика изменений социокультурных кодов того или иного общества.

Список литературы

1. Баткин Л.М. Тип культуры как историческая целостность// Вопросы философии. - 1969, № 9.
2. Бердяев Н.А. Судьба России. - М., 1990.
3. Библер В.С. От наукоучения - к логике культуры. - М., 1991.
4. Вебер А. К вопросу о социологии государства и культуры// Культурология. XX век. Антология. - М., 1995.
5. Кассирер Э. Техника современных политических мифов// Вестник Московского университета. Серия 7. Философия.- 1990, № 2.
6. Ким О.Л. Политическое лидерство: социокультурный аспект. – Москва, ИНИОН, 2000. Деп. 55754 (22.06.2000).
7. Митина В.И. Мир личности как мир культуры// Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. - 1997, № 6.
8. Страхов А.П. Особенности политического поведения российских избирателей: политико-культурный аспект// Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. - 1998, № 5.

9. Такер Р. Политическая культура и лидерство в Советской России. От Ленина до Горбачева// США: Экономика. Политика. Идеология. - 1990, № 1-6.
10. Фромм Э. Адольф Гитлер. Клинический случай некрофилии. - М., 1992.
11. Хейзинга Й. Осень средневековья. - М., 1988.
12. Щербинина Н.С. Политика и миф// Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. - 1998, № 2.
13. Энкер Б. Советский культ вождей: между харизмой и общественным мнением// Вестник Московского университета. Серия 12. Социально-политические исследования. - 1994.
14. Almond G., Verba S. The Civic Culture. - Boston, 1965.
15. Dittmer L. Political Culture and Political Symbolism: Toward a Theoretical Synthesis// World Politics. - 1977.
16. Edelman M. Politik als Ritual. - Frankfurt/ New York. 1976.
17. Edinger L. Approaches to the Comparative Analysis of Political Leadership // The Review of Politics. - 1990, No. 4.
18. Folkertsma M.J. Ideology and Leadership. - New Jersey, 1988.
19. Gibb C. Leadership. Psychological Aspects// International Encyclopedia of the Social Sciences. - London, 1972.
20. Grunwald W. Führung// Wörterbuch zur Mikropolitik. - Opladen, 1998.
21. Lord R. An information processing approach to social perceptions, leadership and behavioral measurement in organizations// Research in Organizational Behavioral. - 1985/7.
22. Mazlish B. In Search of Nixon. - Baltimore, 1973.
23. Neuberger O. Führen und geführt werden. - Stuttgart, 1990.
24. Rohe K. Politische Kultur und politische Aspekte von politischer Wirklichkeit // Politische Kultur in Deutschland, PVS-Sonderheft. - Opladen, 1987.
25. Sarcinelli U. Symbolische Politik und politische Kultur// Politische Vierteljahresschrift, Jg. 30. 1989. Nr. 2.

Аннотация о социокультурных основаниях политического лидерства

В данной статье осуществляется анализ социокультурной детерминации политического лидерства как целостного феномена, имеющего универсально-исторический характер. В центре исследования оказываются, по причине тотальной интегрированности в систему политического лидерства, политико-культурные факторы. Автор выделяет их совокупность и дает детальную характеристику их детерминирующего потенциала. При этом определяются зависимости между содержанием политико-культурных детерминант и типологией политического лидерства.

Synopsis

About Sociocultural Foundations Of Political Leadership

In a given article, sociocultural determination of political leadership is analyzed as a whole phenomenon, which has universal and historical character. There are political and cultural factors in the center of a research, due to their total integration into the system of political leadership. The author defines their totality and gives detailed characteristic to their determining potential. In this process, he is also defining correlation between the content of political and cultural determinants and the typology of political leadership.

А.И. ЛЫСЮК

Dr hab., Katedra Socjologii, Uniwersytet Brzeski w Brześciu, Białoruś